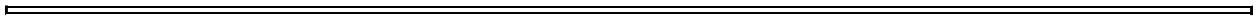

- Де Камп Лион Спрэг , Картер Лин

○

- notes

○

Де Камп Лион Спрэг , Картер Лин

Легионы смерти

Л.Спрэг дэ Камп и Лин Картер

ЛЕГИОНЫ СМЕРТИ

1. Охота

Олень оторвал голову от ледяного ручья и настороженно втянул в себя морозный воздух. С его морды, словно брызги расплавленного хрусталя, сбегали капли воды. Застывшее невысоко над землей солнце сверкало на ветвистых, покрытых легким инеем рогах.

Ни звук, ни запах, побеспокоившие зверя, не повторились. Олень снова склонился над журчащим ручьем и фыркнул, подняв фонтанчик ледяных брызг.

Оба пологих берега ручья были покрыты свежим, только что выпавшим снегом. Густой кустарник почти вплотную подходил к воде, местами покрытой тонким, еще совсем прозрачным льдом. Ни единого звука, кроме еле уловимого шептания подтаивающего на солнце снега, не доносилось из темного леса.

Из этого молчаливого, почти мертвого леса вылетело пущенное чьей-то сильной и верной рукой копье, застигнувшее врасплох успокоившегося зверя. Олень успел сделать несколько прыжков в сторону от ручья, но его ноги подкосились, и он рухнул на снег, заливая все вокруг себя кровью. Еще несколько раз все его тело напряглось, словно в последнем рывке, а затем все мышцы расслабились, глаза животного закатились, и олень затих.

Сбоку из-за деревьев выскользнули, осторожно оглядываясь вокруг, два человека. Один - старший по возрасту и, несомненно, по положению - был настоящим широкоплечим, сильным великаном с тяжелыми, длинными руками. Из-под расстегнутого мехового плаща виднелись мощные мышцы груди и плеч. Под плащом этот человек носил лишь шерстяные штаны, заправленные в сапоги. Широкий ремень из сырой кожи с золотой пряжкой перепоясывал его, а капюшон из волчьего меха почти закрывал лицо.

Шагнув вперед, человек откинул с лица капюшон, из-под которого показались золотистые кудри, чуть тронутые сединой. Короткая, неровно подстриженная борода закрывала широкие скулы и тяжелый подбородок. Цвет волос, светлая кожа, большие голубые глаза - все это

свидетельствовало о том, что их обладатель принадлежит к племени асиров.

Стоявший рядом юноша во многом не был похож на него. Еще почти подросток, ростом он лишь чуть-чуть уступал северянину-великану, но был еще не столько крепок, сколько строен и жилист. По плечам юноши рассыпалась копна черных как смоль волос, а из-под густых темных бровей сверкали ярко-голубые глаза - такого же цвета, как и у его спутника. Но если глаза старшего были полны радости охотника, удачно подкараулившего дичь, то в глазах юноши сверкал огонь неудовлетворившего жажду крови хищника. Молодой человек не носил бороды, но сейчас его подбородок был покрыт темной жесткой щетиной.

Бородатого звали Ниал. Он был ярлом - вождем асиров и главарем банды, наводившей ужас на пограничье Асгарда и Гипербореи. Его юного спутника звали Конаном.

Он был родом из той горной страны, где вечные снега и ледники покрывали горные вершины, страны Киммерии, лежавшей южнее этих мест.

Не скрывая удовольствия от удачного завершения охоты, оба воина перешли вброд ручей и направились к месту, где на залитом кровью снегу лежала их жертва.

Олень весил едва ли не больше, чем они оба, поэтому нести его целиком было бы затруднительно, да и ненужно. Старший из охотников наклонился над поверженным красавцем, привычным, уверенным ударом ножа вспорол ему брюхо и начал освежевывать тушу. Сняв шкуру, он разрубил оленя на части, отбросив в сторону внутренности, голову и крупные кости.

- Выкопай яму, парень, да поглубже, - приказал старший младшему.

Сорвавшись с места, юноша выхватил из-за спины боевой топор на длинном топорище и в два счета вырыл в еще не замерзшей земле яму, достаточную, чтобы спрятать в ней все отходы. Пока Ниал промывал кровоточащие куски в ручье, Конан сгреб в яму не только остатки туши, но и весь забрызганный кровью снег. Затем принес в плаще с другого берега чистого снега, присыпал им яму, стараясь по возможности скрыть от глаза случайного прохожего следы охоты.

Ниал положил мясо на свежеободранную шкуру и связал ее за концы, превратив ее таким образом в импровизированный мешок. Пока вождь отчищал от крови свое копье, Конан срубил подходящую сосенку, приготовив жердь примерно в рост человека. Продев ее в горловину мешка, воины взвелили ношу себе на плечи и направились к лесу.

В этих местах, на самой границе с Гипербореей, леса были густыми и тянулись далеко-далеко за горизонт. С вершины каждой гряды, по которой проходили охотники, открывался вид на бескрайний океан зеленой хвои, покрытой шапками только что выпавшего снега. Время от времени с разных сторон доносился вой волков, а в воздухе беззвучными тенями проносились огромные белые совы.

Двоим хорошо вооруженным охотникам не были страшны обитатели этих лесов. Однако, когда наперерез им прошелствовал сквозь чащу огромный медведь, они почтительно остановились, уступая ему дорогу. Словно два привидения, шли они по лесу, не создавая ни малейшего шума и почти не оставляя следов. Ни один сухой сучок не хрустнул под их сапогами, пока они приближались к своему отряду, остановившемуся на дневной отдых у подножия скалистого кряжа.

Лагерь был замаскирован так удачно, что путники сначала услышали приглушенный шум голосов, а уж затем заметили скрытый среди камней костер. Голоса же не смолкли лишь потому, что часовые вовремя подали знак, что к лагерю приближаются свои. Пожилой асир, чьи кудри и борода уже давно превратились из золотых в серебряные, встал и молча поприветствовал пришедших. Один глаз он потерял в каком-то давнем бою, и теперь прикрывал страшный шрам кожаной повязкой. Это был Горм, певец и поэт асиров. За его плечами виднелась арфа в футляре из оленьей кожи.

- Есть новости от Эгиля? - первым нарушил молчание вернувшийся с охоты вождь, опуская на землю жердь с мешком.

- Нет, Ниал, - мрачно ответил одноглазый стариk. - Не нравится мне это.

Он беспокойно поежился, словно зверь, почуявший опасность.

Ниал обменялся взглядом с Конаном, но тот не проронил ни слова. Два дня назад передовой отряд под покровом ночи вышел на разведку подступов к замку Халога, находившемуся недалеко, за ближайшим хребтом, к юго-востоку.

Тридцать воинов - проверенных, опытных бойцов - отправились на разведку подступов и оборонительной системы крепости гиперборейцев. Конан, мнения которого никто не спрашивал, заявил, что было бы неразумно разделять силы отряда, находясь так близко от логова врага.

Ниал, недослушав, приказал ему заткнуться. Правда, позднее он смягчился и в качестве извинения за свою грубость взял парня с собой на охоту.

Посланцы Эгиля должны были вернуться уже много часов назад. То,

что они до сих пор не появились, очень беспокоило Ниала. Где-то в глубине души он уже ругал себя за то, что не послушался совета киммерийца.

Причина раздражительности Ниала и того, с какой срочностью он повел своих людей к границам Гипербореи, была в следующем: пол-луны назад гипербoreйские гроботорговцы - с красной эмблемой Халоги на их черных одеждах - похитили и увезли с собой его единственную дочь Ранн.

Вождь с трудом подавил пробежавшую по его телу дрожь. Колдуны Гипербореи славились своими достижениями в черной магии, а жестокую хозяйку замка Халога и вовсе звали Черной Смертью.

Собрав в кулак всю волю, Ниал спокойно приказал Горму:

- Скажи повару, пусть приготовит мясо. Только на углях, мы не можем рисковать, разжигая дымный костер.

И пусть все едят побыстрее. Как только стемнеет - выходим.

2. Кошмар на крепостной стене

Всю ночь отряд асиров шел по заснеженным холмам, словно стая волков. Сначала их путь освещали звезды, затем от земли поднялась морозная мгла, северный туман, плотно скрывший от путников небо. Даже вышедшая луна едва-едва пробивалась нечетким пятном сквозь густую пелену.

Несмотря на то что эту болотистую, поросшую лесом землю укутывал непроницаемый туман, воины Асгарда старались использовать любые холмы, густые буреломы, валуны и скалы для прикрытия. Халога - сильная крепость, и часовые наверняка стоят уже на дальних подступах к ней. Как бы ни хотелось Ниалу побыстрее освободить дочь, он понимал, что единственная надежда на успех - это внезапное нападение.

К тому времени, когда асиры добрались до замка, туман рассеялся, но и луна уже зашла. Крепость Халога стояла на небольшом холме в центре круглой, похожей на котел долины. Высоко в небо вздымались стены замка.

Мощная каменная кладка обрамляла тяжелые крепкие ворота. Несколько окон виднелось на верхних этажах башен, а ниже - лишь узкие бойницы для стрелков из лука разрывали монолитную отвесную поверхность стен.

"Тяжело же будет штурмовать такую крепость", - подумал Ниал. И куда же подевались его разведчики? Опытные следопыты отряда оказались бессильны: выпавший снег скрыл все следы.

- Может, посмотреть стены вблизи? - спросил Ниала один из воинов беглый раб родом из Ванахейма, если судить по характерной рыжей

бороде.

- Нет. Проклятье! Скоро рассвет, - прохрипел вождь. - Нужно дождаться темноты или молиться, чтобы эти белобрысые дьяволы настолько потеряли осторожность, что рискнули бы опустить мост и поднять решетку на воротах. Передай остальным: пусть спят. Только сначала набросайте на шубы снега, чтобы нас днем не заметили. Отделение Трора Железной Руки дежурит первым.

Ниал лег и закутался в меховой плащ. Он долго не мог уснуть, а когда все же заснул, его забытье, полное предчувствий опасности, было беспокойным и тяжелым.

А Конан и вовсе забыл про сон. Юношу продолжало мучить полученное от Ниала оскорблениe. Дело было не в тоне, а в том, что мнения киммерийца даже не выслушали до конца. В Асгарде он был чужаком. Вынужденный покинуть родную Киммерию, он с трудом заработал хоть какой-то авторитет среди этих опытных златокудрых воинов. Они оценили его способность переносить все тяготы и лишения разбойниччьей жизни без единой жалобы, а самые задиристые уже ощутили на себе тяжесть его кулаков. Несмотря на молодость, дрался Конан, как загнанная в угол крыса. Стоило большого труда оторвать парня от уже поверженного соперника. Но, как все молодые воины, Конан мечтал заслужить похвалу старших, проявив настоящий героизм, совершив настоящий подвиг...

Конан внимательно рассматривал стены и окна замка.

Нет, слишком высоко. Рожденный в горной стране, Конан прекрасно лазал по скалам. Но на любой скале всегда найдешь неровности, позволяющие хотя бы зацепиться пальцами рук и ног. Камни, составлявшие стены Халоги, были отполированы, словно стекло, и пригнаны друг к другу так точно, что по ним не могло вскарабкаться ни одно живое существо крупнее насекомого.

Другое дело - бойницы. Их нижний ряд находился на высоте всего в три человеческих роста, чтобы дать лучникам удобный угол для стрельбы по приближившимся к стенам врагам. Несомненно, бойницы слишком узки для любого из взрослых, широкоплечих, могучих асиров. Но столь ли безнадежно узки они для куда более худого и гибкого Конана.

На рассвете выяснилось, что в отряде не хватает одного бойца киммерийского изгнанника Конана. "Киш카 тонка у парня оказалась, сбежал", - мимоходом подумал Ниал Ему и без того было над чем поразмыслить.

Вождь асиров только что обнаружил своих разведчиков.

В первых лучах солнца они были хорошо видны: на крепостной стене, привязанные к специальным перекладинам, висели все тридцать воинов. Они были еще живы.

Хриплый от боли и гнева голос Ниала изрыгал проклятия; ногти вонзались в ладони - скжав кулаки, Ниал, содрогаясь от ужаса, все же не мог отвести взгляд от страшной картины.

На стене, лениво улыбаясь алыми губами, стояла вечно молодая королева Халоги, Вамматар Жестокая, - ее длинные светлые волосы разевались по ветру, чувственные изгибы тела проступали сквозь белоснежное одеяние. Двое сопровождавших ее были настоящими гипербореями - с блеклыми, невыразительными глазами и гривами бесцветных волос.

Сгорая от бессильного гнева, кусая руки и сдавливая в себе стоны, асиры наблюдали, как одного за другим их соплеменников предавали мучительной смерти при помощи страшных, безжалостных крюков и кривых ножей. Те, кто еще вчера были мужественными воинами, стоили и выли, извиваясь в последних судорогах. Долгие часы пришлось им мучиться, дожидаясь смерти как избавления.

Ниал постарел на много лет за это страшное утро. Самое страшное - то, что он ничего не мог изменить. Командир не может бросить легковооруженный отряд на каменные стены. Будь у него большая, хорошо оснащенная армия, готовая месяцами продолжать осаду, - он разрушил бы эти стены таранами и катапультами, подкопал бы под них туннели, подогнал бы осадные башни и сам, перекинув мостик, первым бросился бы в рукопашную на территории противника. Можно было бы запастись терпением и уморить защитников замка голодом. Не имея такого превосходства, можно было бы рискнуть, на худой конец воспользовавшись приставными лестницами и организовав хорошее прикрытие из отряда лучников и метателей дротиков.

Но даже в таком случае самым важным делом была внезапность.

А вот именно внезапность, единственное преимущество Ниала, была безвозвратно потеряна. Как удалось гипербореям захватить в плен всех воинов Эгиля - загадка.

Но сам факт плена продемонстрировал гарнизону Халоги, что асиры где-то поблизости. Скорее всего, черные колдуны предупредили своих о приближении неприятеля. Мрачные легенды об их могуществе получили сегодня кровавое подтверждение. Теперь в Халоге знали, что асиры неподалеку, и готовились отразить любое нападение. Ничто, никакие боги Асгарда не могли помочь отряду Ниала.

Вдруг из одного из окон на стене потянулась струйка черного, густого дыма, вскоре сменившаяся плотным, смоляным столбом чада. Палачи с криками исчезли в глубине замка, взмахнув, словно вороны крыльями, своими черными плащами. Ленивая кошачья улыбка слетела с губ повелительницы Халоги. В глубине души у Ниала, вождя асиров, затеплился слабый огонек надежды.

3. Призрак мести

Подняться по стене оказалось не легче, но и не труднее, чем предполагал Конан. С пятнадцатой или шестнадцатой попытки ему удалось накинуть петлю на резной, в виде головы дракона, водосток. На крепкой веревке аркана через равные промежутки были завязаны узлы - поэтому взбираться по ней было проще простого.

Вскарабкавшись до уровня бойницы, Конан дотянулся до стены и ухватился одной рукой за камень, другой продолжая удерживать веревку. Затем, изогнувшись в воздухе, киммериец сумел просунуть ноги в отверстие в стене. Медленно-медленно он перенес вес тела и оказался по пояс в толще стены. При этом Конан продолжал удерживать веревку левой рукой, сообразив, что она еще может здорово ему пригодиться, особенно в случае срочной необходимости спасаться бегством из этого страшного места.

В глубине бойнице оказалась уже, чем с внешней стороны стены. Это было сделано для того, чтобы лучник имел более широкий угол ведения стрельбы. Пыхтя и извиваясь, Конан продвигался вперед ногами сквозь узкий лаз. В какой-то момент задравшаяся на груди шерстяная рубаха застопорила движение. Конана прошиб пот. Вот ведь смеху-то будет, когда его найдут застрявшим по пояс в бойнице. Эти колдуны наверняка навеки замуруют чужака в этой стене. А если даже его и не обнаружат - то через некоторое время, полумертвый от голода и жажды, он станет лакомым куском для воронов днем и сов ночью.

Спасительная мысль молнией пронеслась в его голове.

Несколько раз глубоко вздохнув, Конан сделал резкий выдох и, уменьшив таким образом ширину грудной клетки, проскользнул внутрь, затем перевалился через край бойнице и наконец коснулся ногами пола из грубых толстых досок. Помогая себе руками, он разжал кулак и чуть не потерял веревку, змей скользнувшую вниз. Лишь в последний момент киммерийцу удалось схватить ее.

Наконец Конан смог оглядеться. Он находился в маленькой круглой комнате - помещении для лучника. В ее центре стоял большой пень, по форме похожий на стул со спинкой, - "рабочее место" стрелка, к нему-то

Конан и примотал веревку: тяжелый кусок дерева послужит отличным якорем при спуске. Потянувшись, киммериец поморщился от боли. Ему показалось, что как минимум несколько солидных кусков его кожи осталось на камнях бойницы.

Напротив окна в каменной кладке внутренней стены был оставлен дверной проем. Вынув из ножен свой длинный кинжал, Конан шагнул вперед. Деревянная винтовая лестница вела куда-то вверх и вниз, но, несмотря на то что в стенах кое-где торчали чадящие факелы, тьма была - хоть глаз выколи.

Прижимаясь к стене, все время прислушиваясь, Конан шаг за шагом пробирался к центральной темнице, где, по его предположениям, должны были содержаться важные пленники. Снаружи уже должно было рассвсти, но сюда, внутрь замка, сквозь узкие окна и бойницы свет почти не проникал. По душераздирающим стонам, пробивающимися даже сквозь толстые стены, Конан мог смутно догадываться о том, чем были заняты палачи на стене замка.

В одном из коридоров, освещенном намного лучше, Конан наткнулся на двух стражников, охранявших запертую клетку. Никогда раньше не доводилось ему видеть гипербореев, и сейчас, взглянув на них, Конан вздрогнул.

Они казались дьяволами из какого-то черного ада.

Длинные худые лица, бледная кожа, бездумные янтарные глаза, бесцветные волосы. С ног до головы они были одеты в черное. Лишь алая эмблема Халоги горела на костлявой груди. Конану показалось, что эти алые пятна - все, что осталось у них вместо вырванных сердец. Похоже, легенды не врут, утверждая, что эти люди - не более чем оживленные демонами мертвецы.

Но оказалось, сердца у них все же были, а из раны течет теплая алая кровь. Кроме того, их можно убить, как убедился Конан, налетев на стражников из-за поворота коридора. Первый из них не успел даже пошевелиться, когда нож киммерийца вонзился ему в грудь.

Второй стражник, на миг застыв в удивлении, встряхнулся и потянулся за мечом. Но клинок Конана, сверкнув в воздухе, словно жало серебряной змеи, рассек гиперборейцу горло, оставив на тонких бледных губах стражника непонимающую улыбку.

Конан, не мешкая, снял с погибших оружие и подтащил трупы к свободной камере, где закидал валявшейся на полу соломой. Затем он вернулся к охранявшейся ими клеткетемнице.

Высокая девушка с молочно-белой кожей, длинными волосами цвета

спелой пшеницы и ясными голубыми глазами гордо стояла посреди камеры, ожидая своей участи.

При виде короткого боя она задышала чаще от волнения, но в ее глазах не появилось ни тени страха.

- Кто ты? - спросила она.

- Конан, киммериец. Я из отряда твоего отца. Если ты, конечно, дочь Ниала.

Девушка гордо вскинула подбородок:

- Да, я - Ранн, дочь Ниала.

- Ну и хорошо, - буркнул он, вставляя в замок ключ, снятый с пояса одного из стражников. - Я, вообще-то, за тобой пришел.

- Один? - недоверчиво спросила она.

Конан кивнул. Подав девушке руку, он вывел ее в коридор. Здесь он вручил ей один из мечей-трофеев. Сам, сжимая в руке новое оружие, он повел Ранн по уже знакомым ему коридорам и переходам.

Киммериец двигался неслышно, словно дикий кот, в любую секунду готовый к отчаянному прыжку. В его глазах отражалось танцующее пламя факелов, довершая облик не человека, а какого-то создания дикой природы.

Конан понимал, что его самого и его спутницу могут обнаружить в любой момент. Не все же обитатели замка сейчас любуются работой палачей на стенах. В глубине души Конан даже призвал на помощь Крома - бесстрастного бога своей родной Киммерии, прося его дать им возможность незамеченными добраться до знакомой бойницы.

Те же мысли одолевали и Ранн, столь же беззвучно, как и ее провожатый, пробирающуюся вслед за ним по коридорам в неверном свете факелов.

Пока что им никто не встретился, но Конан понимал, что везение не может продолжаться бесконечно. Хорошо, если они наткнутся на двух-трех гипербореев. Скорее всего, им удастся прорваться. Конан знал, что женщины Асгарда не были изнеженными куклами, а, наоборот, отлично владели мечом и при необходимости вставали в строй плечом к плечу со своими мужьями, сражаясь храбро как тигрицы.

Но что, если им навстречу попадутся шесть, а то и десять воинов Халоги? Как бы юн Конан ни был, он твердо знал, что ни один смертный не может противостоять одновременным ударам со всех сторон. Даже если удастся отбиться спина к спине с Ранн - все равно замок будет поднят по тревоге.

Нужно было отвлечь внимание гарнизона. Но как? Неожиданно смоляной факел навел киммерийца на спасительную мысль. Смела горит

медленно и коптит при этом, но, с другой стороны, пламя на ней держится долго, и погасить его нелегко. Конечно, стены замка сложены из камня, но полы и перекрытия - деревянные. По лицу Конана пробежала недобрая усмешка.

Нужно было найти склад факелов. Конан стал открывать все попадавшиеся ему по пути незапертые двери. Первая комната оказалась пуста. Во второй стояли две незастеленные кровати. Третья была завалена сломанным оружием и доспехами, требующими ремонта.

Следующая дверь была чуть приоткрыта. Заглянув в щелку, Конана отшатнулся. Там в свете свечи он разглядел кровать и лежащего на ней человека. На маленьком столике рядом с ним стояли пиалы и кубки - видимо, с лекарствами для больного. Так подумал Конан, увидев покрытое испариной лицо спящего.

Тихо прикрыв дверь, Конан двинулся дальше. Вдруг из-за поворота коридора до его слуха донесся звук шагов и голоса. Словно кошка метнулся киммериец к следующей двери и втащил за собой в темную комнату девушку.

- Тес! - прошептал он, прижав палец к губам.

Сжав в руках мечи и затаив дыхания, Конан и Ранн слушали, как шаги и гортанные голоса гипербореев сначала приблизились, поравнявшись с их комнатой, а затем затихли вдали.

Только тогда Конан с облегчением вздохнул. Приоткрыв дверь, он увидел лишь пустой коридор. Тогда киммериец распахнул дверь пошире и, увидев содержимое комнаты, довольно потер руки. В одном углу лежала куча приготовленных факелов, в центре помещения стоял бочонок со смолой, а противоположная сторона комнаты была забита соломой, используемой для постели узников тюрьмы замка.

Для Конана оказалось делом одной минуты разбросать по всему полу солому и опрокинуть бочонок. Черная смола растеклась во все стороны. Выдернув из держателя в стене один из факелов, киммериец швырнул его в середину комнаты. Солома вспыхнула, зажигая вслед и смолу. Густой, едкий дым потянулся по коридору.

В саже с головы до ног, Конан выскочил в коридор и, схватив Ранн за руку, потащил ее вперед за собой по закручивающимся ступеням к уже знакомому выходу. Киммериец очень рассчитывал, что пожар привлечет внимание всех обитателей замка настолько, что он и его спутница успеют пролезть в узкую бойницу, спуститься вниз по веревке и добежать до спасительного леса.

4. Погоня ведьмы

Ярл Ниал со слезами на глазах обнимал дочь, прижимая ее к своей широкой груди. Но при этом он не забыл благодарно посмотреть в глаза Конану и дружески хлопнуть его по плечу (такой хлопок мог бы сбить с ног любого, но не киммерийца).

Направляясь вместе со всем отрядом к границам Асгарда, Конан вкратце описал свои приключения. Прекрасным подтверждением его словам служила черная туча, поднимавшаяся в предвечернее небо за спинами асирами. Время от времени до них доносился громоподобный треск проваливающихся бревен перекрытий. Конечно не все, но наверняка многие белокурые дьяволы сгинут навеки в огне этого страшного пожара.

Несомненно, оставшиеся в живых гипербореи бросаются в погоню. Поэтому Ниал потребовал немедленно возвращаться. Только далеко в глубине территории Асгарда асиры смогут почувствовать себя в безопасности. Решив не медлить с отходом, асиры решили пожертвовать скрытностью ради того, чтобы как можно скорее оказаться подальше от объятого пламенем замка Халога.

С гребня стены вслед им смотрела красивая, невзирая на возраст, королева Вамматар. Ее глаза горели ненавистью, а на губах застыла злая ухмылка.

По мере того как солнце клонилось к горизонту, от еще не покрытых льдом болот потянулись клубы тумана, наполняя тревогой и дрожью сердца людей.

Время от времени то один, то другой асир прикладывал к земле ухо, но гула приближающихся лошадей не было слышно. Чуть приободренные, воины Асгарда, не снижая скорости, продвигались вперед сквозь густой туман. Но прежде чем на день спустилось покрывало морозного неба, Конан остановился и пристально посмотрел назад.

- Нас преследуют! - крикнул он.

Асиры остановились и тоже стали вглядываться в гаснущий горизонт. Некоторое время все молчали и уже собирались идти дальше, подшучивая над киммерийцем, как вдруг один из воинов, известный своим орлиным зрением, воскликнул:

- Он прав! Это не всадники, это пешее войско!

- Вперед! ~ прорычал вождь асирами. - Сегодня мы не будем устраивать ночной лагерь. В этом тумане противнику ничего не стоит подобраться к нам вплотную, сколько часовых мы бы ни выставили.

Отряд двинулся дальше. Дневной свет сменился сумерками, сумерки ночной тьмой. Когда же туманную равнину осветило серебряным светом ночное светило, у всех асирами волосы встали дыбом: темная полоска на

горизонте превратилась в уже близкую массу отряда преследователей.

Ниал - железный человек - продолжал идти, держа на руках обессилевшую дочь. Эту ношу он не доверил бы никому на свете. Конан и остальные воины шли следом, стараясь не замедлять шаг. А их преследователи, казалось, вовсе не знали усталости. Отряд из Халоги не только не сбавлял скорости, но, наоборот, все быстрее и быстрее нагонял беглецов.

Изыгая проклятия, Ниал подбадривал своих воинов. Но вот и сам вождь асиров понял: скоро придется остановиться и, собравшись с силами, вступить в бой.

Каждый раз с гребня очередного невысокого холма они оглядывались и видели, как приближается отряд преследователей, превосходящий их по численности как минимум вдвое. Что-то странное было в воинах-преследователях. Но что? Ни Ниал, ни Горм, ни Конан не могли этого определить.

По мере того как погоня приближалась, беглецам удалось рассмотреть, что не все преследователи были гипербореями - более высокими и стройными, чем асиры. В темноте вырисовывались могучие плечи, а так же украшенные рогами шлемы воинов Асгарда и Ванахейма. Ниал вздрогнул, в первый раз ощущив ледяное дыхание отчаяния.

Нет, как-то странно они шли, эти преследователи...

Впереди показался очередной холм. Его склоны вздымались к вершине круче, чем у других возвышенностей на этой равнине. "Что ж, - решил для себя вождь асиров, - лучшей позиции здесь не найдешь, да и убегать дальше нет смысла". Ниал развернулся и закричал во все горло:

- Все на тот холм! Живее! Там занимаем оборону!

Глаза асиров, резво взбиравшихся по склону, засверкали извечным огнем, сверкающим в глазах любого воина перед сражением.

Трор Железная Рука и другие командиры пустили по рядам кожаные фляги с вином и водой, хотя и того и другого оставалось немного. Воины переводили дыхание, отдыхали, подтягивали тетиву луков. Длинные легкие щиты из прутьев и кожи были сняты с заплечных ремней и установлены сплошной стеной вокруг вершины холма.

Одноглазый Горм достал арфу и затянул сильным голосом древнюю воинскую песню.

Клинки наши пламенем были В кипящих недрах земных, Их темные воды калили В глубинах рек ледяных.

На дне синеструйных потоков Белеют кости врагов, Напоминая потомкам О подвигах наших отцов.

Передышка была недолгой. Из тумана у подножия холма вынырнули одна за другой шеренги зловещих фигур, плечо к плечу шагнувших вверх по склону. Они двигались как-то не так... словно спящие или словно куклы на веревочках. Град копий и стрел не замедлил их неумолимого приближения к стене из щитов. Вот уже асиры занесли над головами мечи, топоры и боевые молоты, готовясь вступить в бой.

Из горла Ниала вырвался древний боевой клич асиров.

Но не успел он дозвучать до конца, как что-то оборвалось в груди ярла вождя племени. Человек, вышедший ему навстречу, готовый к бою противник, оказался не кем иным, как Эгилем. Тем самым Эгилем, лучшим разведчиком и заместителем Ниала, погибшим сегодня в муках на крепостной стене. Бледная луна осветила знакомое лицо, и Ниал на миг опустил оружие.

5. "Человек не умирает дважды!"

Лицо противника Ниала, без сомнения, было лицом его старого друга. Всё, даже шрам на скуле, полученный в бою против ваниров пять лет назад, всё в точности совпадало с лицом Эгиля. Но мертвые голубые глаза, пустые, как ночное небо без звезд, не узнали своего друга, командира и вождя.

Понимая, что отступать некуда, Ниал размахнулся и полоснул мечом по груди Эгиля так, чтобы не убить, а лишь ранить его. С изумлением вождь асиров обнаружил, что из раны на груди его противника не идет кровь, а сам Эгиль продолжает идти вперед, не обращая внимания на нее.

За спиной погибшего утром соплеменника показалась фигура полусгоревшего гиперборея, его обгоревшее лицо застыло в маске ужаса и боли. Без сомнения, это один из обитателей Халоги, погибший в сегодняшнем пожаре.

- Прости, брат, - прошептал вождь асиров и изо всех сил рубанул мечом по телу Эгиля. Разделенное на две части тело покатилось вниз по склону. Но его место тут же занял оскаленный полу обгоревший гиперборей.

Командир и вождь асиров сражался грамотно, умело, но безо всякой надежды. Если твой противник может победить саму смерть, оживив мертвых, как можно надеяться на победу в схватке с ним.

Вдоль строя тут и там раздавались удивленные хриплые возгласы. Это воины-асиры сбились со своими товарищами, погибшими тем же утром на крепостной стене. Но не только это поражало людей из отряда Ниала. Помимо обожженных гипербореев и своих соплеменников, они натыкались на тела давно умерших людей, из которых при ударе мечом или топором

вылезали длинные белые черви. Все они без оружия в руках навалились на строй асиров. В воздухе повис отвратительный трупный запах.

Песня Горма сбилась с ритма и оборвалась. Старый бард прохрипел:

- Да помогут нам боги! На что еще мы можем надеяться, скрещивая мечи с самой смертью! Человека нельзя убить дважды!

Строй асиров начал редеть. Один за другим храбрые воины погибали, разорванные на куски ледяными руками нападающих. Да, все они были безоружны, лишь крючковатые пальцы и оскаленные зубы тянулись к жертвам. Но этих оживших мертвецов было много. Слишком много.

Киммериец стоял во второй шеренге. Когда перед ним рухнул на землю с перегрызенным горлом и изуродованным лицом опытный воин, Конан издал душераздирающий клич и закрыл образовавшуюся брешь в строю. Одним ударом трофеиного меча он снес голову полуразложившемуся гиперборею, только что вонзившему ногти в грудь асира. Череп с почти истлевшей кожей покатился вниз по склону.

В этот момент сердце Конана замерло в груди: обезглавленный полуразложившийся труп продолжал тянуть к нему свои костлявые руки. Стряхнув оцепенение, киммериец ткнул мечом под торчащие из-под гниющей кожи ребра. Труп покачнулся, отшатнулся назад, но затем снова пошел на киммерийца, скрипя по снегу костями ступней.

Перехватив меч обеими руками, Конан вложил всю свою молодую силу в следующий удар. Наконец-то! Рассеченное надвое по диагонали - от правого плеча до левого бедра - тело больше не поднималось с земли. На мгновение перед Конаном не оказалось противника. Тяжело дыша, киммериец вытер пот со лба и огляделся.

Ниал погиб, разнеся на куски не менее дюжины своих противников. Одноглазый старик Горм с дьявольским мастерством орудовал своим боевым топором. Но исход битвы был уже предрешен.

- Всех не убивать! - пронесся над полем боя ледяной голос. - Кого можете, берите в плен.

Вглядываясь в темноту, Конан пытался найти хозяина этого страшного голоса. Вдруг его взгляд наткнулся на королеву Вамматар, сидевшую верхом на черном жеребце.

Конан понял, что это ее команды слушают и выполняют с нечеловеческим усердием ожившие мертвецы.

Неожиданно в поле зрения киммерийца попала еще одна женская фигура. Ранн! Видевшая, как погиб ее отец, как рухнул, не выдержав натиска, Горм, она скжала в руках поднятый с земли меч и приготовилась умереть, сражаясь.

Слезы текли по ее щекам, но в самих глазах не было страха.

Вдруг в голове Конана, словно подарок Крома, промелькнула мысль. Сражение проиграно. Те, кто останется в живых, попадут в рабство к гипербореям. Это так же очевидно, как то, что за ночью последует день. Но все же есть шанс спасти хоть кого-то, дать надежду хотя бы одному человеку.

Конан подскочил к Ранн и, подхватив ее, перекинул через плечо. Затем, прорубая себе путь мечом и пинками, он потащил ее туда, где у подножия холма ждала окончания боя одетая в белое королева.

В темноте Вамматар, поглощенная зреющим боя, не заметила приближающегося Конана. Ее интуиция молчала до того мгновения, когда железные пальцы киммерийца не сомкнулись на ее руке. Один рывок - и королева полетела прочь из седла, в болотную жижу в нескольких шагах от своего скакуна. В этот же миг Конан легко забросил протестующую Ранн в освободившееся седло.

Прежде чем он успел запрыгнуть на круп коня, у него на руках повисли сразу два мертвеца, повиновавшиеся отчаянным воплям-приказам королевы, доносившимся из болота.

Последним усилием киммериец сумел поднять меч и сильно уколоть острием черного скакуна.

- Скачи, девочка, скачи! - закричал Конан. - Домой, в Асгард!

Конь, напуганный боем, не выдержал еще и укола в бок. Он всхрапнул и понесся по снежной равнине прочь от битвы живых с мертвыми. Прижимаясь заплаканной щекой к шее животного, Ранн с разевающимися на ветру волосами с каждым мгновением уносилась дальше и дальше от опасности.

Когда жеребец, огибая холм, повернулся боком к полю боя, Ранн успела заметить, как над храбрым юношей, дважды спасшим ей жизнь, сомкнулись костлявые руки оживших мертвецов. Королева Вамматар, выбравшись из болота, стояла в лунном свете, все так же улыбаясь своей дьявольской улыбкой. В следующий миг склон холма и клубы тумана скрыли от плачущей девушки картину бойни.

По заснеженной равнине, с трудом передвигая нога, брели два десятка выживших воинов-асиров. Их руки были связаны за спиной ремнями из сыромятной кожи.

Пленных окружили и конвоировали оживленные мертвецы - те, кто не был разрублен на части в жестоком сражении. Во главе колонны шли два человека: Конан и королева Вамматар.

С каждым шагом королева, чье лицо было искажено яростью, хлестала

Конана хлыстом. Множество красных полос перекрещивались на его лице и теле. Но киммериец шел, распрямив плечи и высоко подняв голову. Не только боль пронзала все его тело. Не менее страшно было вспоминать о том, что еще ни один беглый раб не возвращался из этой проклятой страны. Конану ничего не стоило убить сброшенную с коня злодейку королеву, но законы его страны запрещали воину поднимать оружие против женщины Юноша не смог переступить те правила, которые впитал еще с молоком матери.

Когда небо на востоке чуть просветлело, Ранн, дочь Ниала, добралась до границы Асгарда. У нее на сердце было очень тяжело, но вдруг в памяти всплыли последние строки древней воинской песни, спетые старым Гормом в ночном бою.

Прольется кровь на камни, И грудь пронзит клинок, Но мести вскинут знамя Все те, кто выжить смог.

Вперед, северяне!

Пусть пытка вспыхнет болью, Ударит рабства плеть - Сердец свободных волю Врагу не одолеть.

Вперед, северяне!

Слова песни храбрых воинов распрямили ее спину, высушили слезы, заставили вспомнить о том, чья она дочь.

Расправив плечи, распустив по плечам длинные золотые волосы, Ранн в первых лучах восходящего солнца властно взялась за поводья и направила жеребца к дому.

notes

Notes